

Иванъ Александровичъ Ильинъ

**О РУССКОМЪ
ПРАВОПИСАНИИ**

Алма-Ата
2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

О РУССКОМЪ ПРАВОПИСАНИИ	1
О НАШИХЪ ОРФОГРАФИЧЕСКИХЪ РАНАХЪ.....	13
КАКЪ ЖЕ ЭТО СЛУЧИЛОСЬ?	28

О РУССКОМЪ ПРАВОПИСАНИИ

Дивное орудіе создалъ себѣ русскій народъ, — орудіе мысли, орудіе душевнаго и духовнаго выраженія, орудіе устнаго и письменнаго общенія, орудіе литературы, поэзіи и театра, орудіе права и государственности, — нашъ чудесный, могучій и глубокомысленный русскій языкъ. Всякій иноземный языкъ будетъ имъ уловленъ и на немъ выраженъ; а его уловить и выразить не сможетъ ни одинъ.

Онъ выразить точно — и легчайшее, и глубочайшее; и обыденную вещь, и религіозное пареніе; и безысходное уныніе, и беззавѣтное веселье; и лаконическій чеканъ, и зримую деталь, и неизреченную музыку; и ѣдкій юморъ, и нѣжную лирическую мечту. Вотъ что о немъ писалъ Гоголь:

„Дивишься драгоцѣнности нашего языка: что ни звукъ, то и подарокъ; все зернисто, крупно, какъ самъ жемчугъ, и право, иное названіе еще драгоцѣннѣе самой вещи“... И

еще: „Самъ необыкновенный языкъ нашъ есть еще тайна... Языкъ, который самъ по себѣ уже поэтъ“... О немъ воскликнулъ однажды Тургеневъ: „Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!“

А новое поколѣние его не уберегло... Не только тѣмъ, что наполнило его неслыханно-уродливыми, „глухонѣмыми“ (какъ выразился Шмелевъ), бессмысленными словами, слѣпленными изъ обломковъ и обмылковъ революціонной пошлости, но еще особенно тѣмъ, что растерзало, изуродовало и снизило его письменное обличіе. И эту искажающую, смыслъ-убивающую, разрушительную для языка манеру писать — объявило „новымъ“ „правописаніемъ“. Тогда какъ на самомъ дѣлѣ эта безграмотная манера нарушаетъ самые основные законы всякаго языка. И это не пустяя жалобы „реакціонера“, какъ утверждаютъ иные эмигрантскіе неу-

чи, а сущая правда, подлежащая строгому доказательству.

Всякій языкъ есть явленіе не простое, а сложное; но въ этой сложности все въ языкѣ взаимно связано и обусловлено, все слито воедино, все органически сращено. Такъ и вынашиваетъ его каждый народъ, слѣдуя одной инстинктивной цѣли — вѣрно выразить и вѣрно понять выраженное. И вотъ именно эту цѣль революционное кривописаніе не только не соблюдаетъ, но грубо и всемѣрно, вызываяще попираетъ.

Языкъ есть прежде всего живой истокъ звуковъ, издаваемыхъ гортанью, ртомъ и носомъ, и слышимыхъ ухомъ. Обозначимъ этотъ звуковой-слуховой составъ языка словомъ „фонема“.

Эти звуки въ отличіе отъ звуковъ, издаваемыхъ животными, членораздѣльны: иногда, какъ въ русскомъ, итальянскомъ и французскомъ языкѣ, отчетливы и чеканны, иногда, какъ въ англійскомъ языкѣ неотчетливы, но слитны и расплывчаты.

Членораздѣльность эта подчинена особымъ законамъ, которыми вѣдаетъ грамматика: она различаетъ звуки (гласные и согласные), слоги и слова, а въ словахъ корни и ихъ приращенія (префиксы — впереди корня, аффиксы и суффиксы — позади корня); она различаетъ еще роды и числа, склоненія (падежи), и спряженія (у глаголовъ: времена, числа, наклоненія и виды); она различаетъ далѣе части рѣчи (имя существительное, прилагательное, мѣстоименіе, глаголь и т. д.), а по смысловой связи словъ — части предложенія (подлежащее, сказуемое, опредѣленіе, дополненіе, обстоятельственныя слова и т. д.). Все это вмѣстѣ образуетъ ученіе о формахъ языка и потому можетъ быть обозначено словомъ „морѣема“.

Само собой разумѣется, что и фонема и морѣема служатъ смыслу, который онѣ стараются вѣрно и точно выразить и которымъ онѣ внутренне насыщены. Безсмысленные звуки — не образуютъ языка. Безсмысленные суффиксы, падежи, спряженія, мѣстоименія, глаголы и предлоги, дополненія — не слагаютъ ни рѣчи, ни литературы. Здѣсь все

живетъ для смысла, т. е. ради того, чтобы вѣрно обозначить разумѣемое, точно его выразить и вѣрно понять. Человѣкъ даже стонетъ и вздыхаетъ не зря и не безсмысленно. Но если и стонъ его, и вздохъ его полны выраженія, если они суть знаки его внутренней жизни, то тѣмъ болѣе его членораздѣльная речь, — именующая, разумѣющая, указующая, мыслящая, обобщающая, доказывающая, рассказывающая, восклицающая, чувствующая и воображающая, — полна живого смысла жизненно драгоцѣннаго и отвѣтственнаго. Весь языкъ служитъ этому смыслу, т. е. тому, что онъ хочетъ сказать и сообщить, и что мы назовемъ „семею“. Она есть самое важное въ языкѣ. Ею все опредѣляется. Возьмемъ хотя бы падежи: каждый изъ нихъ имѣетъ иной смыслъ и передаетъ о предметѣ что-то свое особое. Именительный: - предметъ берется самъ по себѣ, внѣ отношеній къ другимъ предметамъ; родительный: - выражаетъ принадлежность одного предмета - другому; дательный: - указываетъ на приближающее дѣйствіе; въ винительномъ падежѣ ставится имя того объекта, на который направлено дѣйствіе; въ

творительномъ падежѣ ставится имя орудія; мѣстный или предложный падежъ указываетъ на обстоятельства и на направление дѣйствій. И такъ, дѣло идетъ черезъ всю грамматику...

Къ фонемѣ, морѣемѣ и семемѣ присоединяется, наконецъ, запись: слова могутъ быть не только фонетически произнесены, но еще и начертаны буквами; тогда произносящій человекъ можетъ отсутствовать, а рѣчь его, если только она вѣрно записана, можетъ быть прочтена, фонетически воспроизведена и вѣрно понята цѣлымъ множествомъ людей, владѣющихъ этимъ языкомъ. Именно такъ возникаетъ вопросъ правописанія. Какое же „писаніе“ есть вѣрное или правое?

Отвѣчаемъ: то, которое точно передаетъ не только фонему, насыщенную смысломъ, и не только морѣему, насыщенную смысломъ, но прежде всего и больше всего самую семему. И скверное, или кривое „писаніе“ будетъ то, которое не соблюдаетъ ни фонему, ни морѣему, ни семему. А вотъ именно въ этомъ и повинно революціонное кривописаніе:

оно устраняетъ цѣлыя буквы, искажаетъ этимъ смыслъ и запутываетъ читателя; оно устраняетъ въ мѣстоименіяхъ и прилагательныхъ (множественнаго числа) различія между мужскимъ и женскимъ родомъ и затрудняетъ этимъ вѣрное пониманіе текста; оно обезсмысливаетъ сравнительную степень у прилагательныхъ и тѣмъ вызываете сущія недоумѣнія при чтеніи и т. д., и т. д.

Удостоверимся во всемъ этомъ на живыхъ примѣрахъ.

Вообще говоря, одна единственная буква можете совсѣмъ измѣнить смыслъ слова. Напримѣръ: *„не всякій совершенный (т. е. сдѣланный) поступокъ есть совершенный (т. е. безупречный) поступокъ“* Погасите это буквенное различіе, поставьте въ обоихъ случаяхъ „е“ или „о“ — и вы утратите глубокій нравственный смыслъ этого изреченія. *„Онъ сказалъ, что будетъ (т. е. придетъ), да вотъ что-то не будитъ“* (т. е. не прерываетъ мой сонъ). Такое же значеніе имѣете и удареніе: его перемѣщеніе радикально мѣняетъ смыслъ слова: *„ты дорогá мнѣ больша́я доро́га“*. И такъ вся ткань языка чрезвычайно впечатлительна и имѣетъ огром-

ное смысловое значеніе.

Это особенно выясняется на омонимахъ, т. е. на словахъ съ одинаковой фонемой, но съ различнымъ смысломъ. Здѣсь спасеніе только одно: необходимо различное (дифференцированное) начертаніе. Это законъ для всѣхъ языковъ. И чѣмъ больше въ языкѣ омонимовъ, тѣмъ важнѣе соблюдать вѣрное писаніе. Такъ, французское слово „вѣръ“ обозначаетъ: „червяка“ (ver), „стихъ“ (vers), „стекло-стаканъ“ (verre), „зеленый“ (vert) и предлогъ „на, при, къ, около“ (vers). Попробуйте „упростить“ это разнописаніе и вы внесете въ языкъ идиотскую путаницу. Словомъ „мѣръ“ французъ обозначаетъ „море“ (mer), „мать“ (mere) и „городского голову“ (maire). Словомъ „фѣръ“ — „дѣлать“ (faire), „отдѣлку, мастерство“ (faire), „железо“ (fer) и „щипчики для стекла“ (ferre). Словомъ „вуа“ — „голосъ“ (voix), „дорогу“ (voie), „возъ“ (voie), „я вижу“ (vois), „смотри“ (vois). Словомъ „коръ“ — „тѣло“ (corps), „мозоль“ (cor), и „валторну или рогъ“ (cor). Отсюда уже видно, что различное начертаніе слова спасаетъ языкъ отъ бессмыслицы, а при недостаткѣ его бессмыслица ока-

зывается у порога. Подобное мы находимъ и въ нѣмецкомъ языкѣ. Словомъ „malen“ нѣмецъ обозначаетъ „писать красками, воображать“ (malen) и „молотъ“ (mahlen). Но тамъ, гдѣ начертаніе не мѣняется, грозитъ недоразумѣніе: „sein“ означаетъ „быть“ и (чье?) „его“; „sie“ означаетъ „вы“ и „она“ — и недоразумѣнія, могущія возникнуть изъ этого одного смѣшенія, безчисленны. Нѣмецкое слово „Schauer“ имѣетъ пять различныхъ значеній при совершенно одинаковомъ начертаніи, оно обозначаетъ — „портовый рабочій“, „созерцатель“, „страхъ“, „внезапный ливень“ и „навѣсъ“. Это есть настоящій образецъ того, какъ начертаніе и фонема могутъ отставать отъ смысла, а это означаетъ, что языкъ не справляется со своей задачей.

И вотъ, русскій языкъ при старой орфографіи побѣдноно справлялся со своими „омонимами“, вырабатывая для нихъ различныя начертанія. Но революціонное кривописание погубило эту драгоцѣнную языковую работу цѣлыхъ поколѣній: оно сдѣлало все возможное, чтобы напустить въ русскій языкъ какъ можно больше бессмыслицы и недораз-

умѣній. И русскій народъ не можетъ и не долженъ мириться со вторженіемъ этого варварскаго упрощенія.

Новая „орѳографія“ отмѣнила букву „і“. И вотъ, различіе между „міромъ“ (вселенной) и „миромъ“ (покоемъ, тишиной, невойной) исчезло; за одно погибла и ижица, и православные люди стали принимать „миро-помазаніе“ (что совершенно неосуществимо, ибо ихъ не помазуютъ ни вселенной, ни покоемъ).

Затѣмъ новая орѳографія отмѣнила букву „ѣ“ и безсмыслица пронеслась по русскому языку и по русской литературѣ опустошающимъ смерчемъ. Неисчислимы омонимы стали въ начертаніи неразличимы; и тотъ, кто разъ это увидитъ и пойметъ, тотъ придетъ въ ужасъ при видѣ этого потока безграмотности, вливающегося въ русскую литературу и въ русскую культуру и никогда не примирится съ революціоннымъ кривописаніемъ (см. „Н. З.“ № 167).

Мы различаемъ „самъ“ (собственнолично) и „самый“ (точно указанный, тождественный). Родительный падежъ отъ „самъ“ — „самого“, винительный падежъ — „самого“. А

отъ „самый“ — „самаго“. *„Я видѣлъ его самогó, но показалось мнѣ, что я вижу не того же сáмаго“*... (письмо изъ современной Югославіи). Въ кривописаніи это драгоцѣнное различіе гибнетъ: оно знаетъ только одну форму склоненія: „самого“...

Мы склоняемъ: „она“, „ея“, „ей“, „ее“, „ею“, „о ней“. Кривописаніе не желаетъ различать всѣхъ падежей: родит, пад. и винит, пад. пишутся одинаково „ее“. *„Кто же растопталъ намъ въ саду наши чудесныя клумбы? „Это сдѣлала ее коза“* (вмѣсто „ея“, сосѣдкина коза); бессмыслица. *„Я любилъ ее собаку!“* Не означаете ли это, что женщина была нравомъ своимъ вродѣ собаки, но я ее все-таки не могъ разлюбить; какой трагическій романъ!... Или это можетъ быть означать, что я охотно игралъ съ ея собаченкой?... Но тогда надо писать ея, а не ее! *„Кто ввелъ у насъ это бессмысленное кривописаніе? Это сдѣлала ее партія“* (вмѣсто „ея“, партія революціи). Что значитъ фраза: *„это ее вещи“*? Ничего. Бессмыслица. *„Надо видѣть разумность мира и предстоять ее Творцу“*... Что это означаетъ? Ничего; весь смыслъ тезиса

искажень и воцарилась безсмыслица. Разумность міра! Ея Творцу!

Новое кривописаніе не различаетъ мужской родъ и женскій родъ въ окончаніи прилагательныхъ (множеств. числа) и мѣстоименій. Вотъ два образца создаваемой безсмыслицы. Изъ ученаго трактата: *„Въ исторіи существовали разные математики, физики, и механики [теоріи? люди?]; нѣкоторые изъ нихъ пользовались большою извѣстностью, но породили много заблужденій“* ... Читатель такъ до конца и не знаетъ, что же, собственно, имѣется въ виду — разныя науки или разные ученые... — Изъ Дневника А. Ф. Тютчевой: *„Я всегда находила мужчинъ гораздо менѣе внушительными и странными, чѣмъ женщинъ: „они“ [кто? мушчины или женщины?] болѣе доброжелательны“* ... Минуты три ломаетъ читатель себѣ голову — кто же менѣе доброжелателенъ и кто болѣе? И недопонявъ, пытается читать дальше. — *„Мужчины, просящіе на улицахъ милостыню, суть „нищіе“; а женщины? Онѣ не нищія; они тоже нищіе“*.

Это означаетъ: грамматическое и смысловое различіе

падежей и родовъ остается; а орѳографическое выраженіе этихъ различій угашается. Это равносильно смѣшенію падежей, субъектовъ и объектовъ, мужчинъ и женщинъ... Такъ сѣются недоразумѣнія, недоумѣнія, бессмыслицы; умножается и сгущается смута въ умахъ. Зачѣмъ? Кому это нужно? Россіи? Нѣтъ, конечно; но для міровой революціи это полезно, нужно и важно.

Однако, обратимся къ обстоятельному и наглядному изчисленію тѣхъ смысловыхъ ранъ, которыя нанесены русской литературѣ „новой орѳографіей“. Исчерпать всего здѣсь нельзя; но кое-что существенное необходимо привести.

О НАШИХЪ ОРѳОГРАФИЧЕСКИХЪ РАНАХЪ.

Если мы оставимъ въ сторонѣ множество другихъ бессмыслицъ, внесенныхъ такъ называемой „новой орѳографіей“, а сосредоточимся только на тѣхъ, которыя вдвинуты въ русскую культуру произвольной отмѣной буквы

„Ѣ“, то мы увидимъ слѣдующее. Вотъ типическіе примѣры этого безобразія.

1. Смысль: общее невоздержаніе въ пищѣ истощило наши запасы.

2. Правописаніе: *„всъ ѣли да ѣли, вотъ все и вышло“*.

Кривописаніе: *„все ели да ели, вотъ все и вышло“*.

Безсмыслица: преобладаніе хвойныхъ деревьевъ привело къ всеобщему уходу.

3. Смысль: мѣловая пыль осталась въ комната соромъ; пришлось долго подметать.

Правописаніе: *„осѣлъ мѣлъ пылью на полу; я долго мелъ просыпанный мѣлъ“*.

Кривописаніе: *„осел мел пылью на полу; я долго мел просыпанный мел“*.

Безсмыслица: мы мели вдвоемъ, сначала осель, потомъ я, а чего ради мы такъ старались — неизвѣстно, источникъ сора не указанъ.

4. Смысль: лѣто было теплое и полеты были пріятные.

Правописаніе: *„теплымъ лѣтомъ я наслаждался“*

пріятнымъ летомъ“.

Кривописаніе: „*теплым летом я наслаждался пріятным летом“.*

Безсмыслица: когда происходили полеты неизвѣстно, но тепло было пріятно.

5. Смысль телеграммы: я ранень, рану залѣчиваю, прибуду на аэропланѣ.

Правописаніе: „*лѣчу рану лечу“.*

Кривописаніе: „*лечу рану лечу“.*

Безсмыслица: адресать не зналъ, что подумать.

6. Смысль телеграммы: продовольствіе найдено, везу его съ собою.

Правописаніе: „*ѣду везу ѣду“.*

Кривописаніе: „*еду везу еду“.*

Безсмыслица: адресать долго размышлялъ, потомъ бросилъ телеграмму въ корзину.

7. Смысль: надо умѣть не только изучать архивы, но и правильно вести ихъ.

Правописаніе: „*Курсы по архивовѣдѣнію и*

архивоведѣнію“.

Кривописаніе: *„Курсы по архивоведению и архивоведению“.*

Безсмыслица: Куда же это они хотятъ уводить всѣ архивы?

8. Смысль: до звѣзды не полагается ѣсть, а одинъ грѣшный человѣкъ съѣлъ гречневый хлѣбець.

Правописаніе: *„одинъ грѣшникъ не удержался и отвѣдалъ грешничка“.*

Кривописаніе: *„один грешник не удержался и отведал грешничка“.*

Безсмыслица: хлѣбець хлѣбца отвѣдалъ? или грѣшникъ предался людоѣдству?

9. Смысль: есть ирраціональные пути, ведущіе къ воспріятію Бога.

Правописаніе: *„Богъ познается въ вѣдѣніи и въ невѣдѣніи“.*

Кривописаніе: *„бог познается в ведении и в неведении“.*

Безсмыслица: языческій богъ (с малой буквы) то

ведеть, то не ведеть, и черезъ это познается.

10. Смысль: я не могу указать точно время этого событія, это было когда-то давно.

Правописаніе: *„Скажи, когда же это было?“*. *„Отстань, нькогда“*...

Кривописаніе: *„Отстань, некогда“*.

Безсмыслица: у меня нѣтъ досуга, чтобы отвѣтить на твой вопросъ.

11. Смысль: выплакавшись, наверху на лѣстницѣ, онъ уже не плакаль, когда спустился внизъ.

Правописаніе: *„онъ слъзъ ко мнѣ уже безъ слезъ“*.

Кривописаніе: *„он слез сюда уже без слез“*.

Безсмыслица: слезъ сюда — ничего не значить; слезъ безъ слезъ — непредставимо!

12. Смысль: у насъ имѣется еще продовольствіе...

Правописаніе: *„пока у насъ еще есть, что ѣсть“*...

Кривописаніе: *„пока еще у нас есть, что есть“*...

Безсмыслица: мы имѣемъ то, что имѣется въ личности.

13. Смысль: человекъ съ горя напился, явно предпочитая шампанское.

Правописание: *„и утѣшеніе нашелъ я въ этой пѣнѣ упоительной“*.

Кривописание: *„и утешение нашел я в этой пене упоительной“*.

Безсмыслица: слово „пеня“ означаетъ укоръ, штрафъ; какъ утѣшиться упоительнымъ штрафомъ?

14. Смысль: въ революціи хуже всего эта всеобщая ненависть и ограбленіе.

Правописание: *„если бы не всѣ ненавидѣли, если бы не все отняли, а то всѣ и все“*.

Кривописание: *„если бы не все ненавидели, если бы не все отняли, а то все и все“*.

Безсмыслица: составъ ненавидящихъ субъектовъ подмѣненъ составомъ ненавидимыхъ объектовъ; послѣднія слова „все и все“ — просто бессмысленны.

Однако, всего не исчислишь. Пусть читатель самъ доберется до смысла въ слѣдующихъ реченіяхъ:

„чем больше тем, тем лучше“;

„мне не всякий ведомый ведом“;

„те ему и говорят: вот те на!“;

„рыбка уже в уже“;

„религиозное ведение не чуждо символам“;

„лесник левша лесу взял, лесной волос привязал, да в лесу лису за лесного дядю принял и лесу в лесу потерял“;

„я налево, а слева лев“;

„я смело взялся за дело, но ветром все уже смело“ ...

Врачъ говоритъ „лечу да поздно“; а летчикъ: „лечу да поздно“ ...

„На горе других цветов не было“;

„собака на сене лежит, сама не ест и другим не дает“
(чуть, повидимому, опечатка, надо писать Сена или Сеня съ большой буквы, въ первомъ случаѣ надо пожалѣть мокрую собаку, во второмъ бѣднаго Семена);

„Стенание за стеной вызвало у меня стеснение в сердце“.

Но не довольно ли?

Есть и общія правила. Напримѣръ: слова, начинающіяся съ „нѣ“ — ничего не отрицаютъ, а устанавливаютъ только неопредѣленность: „нѣкій, нѣкоторый, нѣсколько, нѣкогда“; а слова, начинающіяся съ „не“ — отрицаютъ: „нелѣпый, неграмотный, нечестный, некогда“. Еще: вопросы „куда?“ и „гдѣ?“ требуютъ различныхъ падежей; отмѣна буквы „ѣ“ убиваетъ это правило. Куда? „На ложе“, „на поле“, „въ поле“, „въ море“ (винит, падежъ). Гдѣ? „На ложѣ“, „на полѣ битвы“, „въ морѣ“ (предложный падежъ). Пуля попала ему въ сердце (вин. пад.); въ его сердцѣ печаль (предл. пад.). Еще: „чѣмъ“ есть творительный падежъ отъ „что“; а „чемъ“ есть предлож. падежъ отъ „что“; смѣшеніе падежей есть занятіе грамматически разрушительное. Еще: „синѣй“ есть сравнительная степень отъ „синій“ (волны синѣй стали); „синей“ есть родительный падежъ отъ прилагательнаго „синій“ (волны синей стали; но развѣ сталь есть образецъ синевы?).

Борьба за букву „ѣ“ ведется въ Россіи уже болѣе 300 лѣтъ. Мы будемъ продолжать эту борьбу. Въ 1648 году, въ Москвѣ, съ благословенія церковной власти была издана граммати-

ка, гдѣ въ предисловіи доказывалось, что „необходимо напередъ самимъ учителямъ различать „ять“ съ „естемъ“ и не писать одного вмѣсто другого“, что *„грамматическое любо-мудріе смыслу сердецъ нашихъ просвѣтительно“* и безъ него *„кто и мняся вѣдѣти, ничтоже вѣсть“*, что грамматика есть *„руководитель неблаженъ во всякое благочестіе, вождь ко благовидному смотрѣнію и предивному и неприступному богословію, блаженныя и всечестнѣйшія философіи открытіе и всеродное проразумѣніе“* (см. Ключевскій: „Очерки и рѣчи“, 412).

Этотъ мудрый подходъ къ грамматикѣ объясняется тѣмъ, что въ то время формально-отвлеченная филологія, пренебрегающая главнымъ, живымъ смысломъ языка — еще не выработалась и не успѣла разложить и умертвить культуру слова. Съ тѣхъ же поръ это извращеніе и несчастіе захватило науку языка (какъ и другія науки) и въ результатѣ интересъ къ предметному смыслу уступилъ свое мѣсто соображеніямъ чисто историческимъ (какъ, на примѣръ, у Я. Грота) и демагогическимъ, какъ у сочинителей новаго кри-

вописанія.

Отъ этого пострадала и страдаетъ вся русская культура.
Вотъ доказательства.

Молитва. *„Горе имеем сердца“* (вмѣсто горѣ, ввысь, кверху, къ Богу). *„Мир мирови твоему даруй“*. *„О мире всего мира“*.
„Да празднует же мир, видимый же весь и невидимый“.

Богословіе. *„Я пришел не судить мир, но спасти мир“*
(Иоан. 12:47). Исаакъ Сиріянинъ: *„миром называю страсти, которые порождаются от парения ума“*. *„Мысль о смерти рождает пренебрежение к миру“* (тамъ же). *„Всеведение Божие“*.
Василій Великій: *„Мир есть художественное произведение“*.

Философія. Всѣ проблемы міра, мірозданія, міровозрѣнія; микрокосма, макрокосма; знанія и вѣдѣнія и многія другія, съ ними связанныя, обезсмысленны и погибли. Ни одного философа отнынѣ нельзя грамотно перевести на русскій языкъ. Этика, онтологія, космологія, антропологія — лишены крыльевъ слова!

Наука. *„Они все плодятся“* (вмѣсто всѣ). *„В России много рек“* (вмѣсто рѣкъ). *„От сырости возникает прение“* (вмѣсто

„прѣніе“; кто же съ кѣмъ спорить отъ сырости?). „Он не мог собрать вена“ (вмѣсто вѣна); „лечу вены по венскому способу“ (вм. лѣчу, вм. вѣнскому). „У вас опухла железа; в организме железа не хватает“.

Стратегія. „Сведение о сведении дивизий еще не поступило“. „Однородные вести редко приходят“. „Все на палубу!“ (вм. всѣ). „Откуда вести? Откуда вести?“ (Въ первомъ случаѣ — вѣсти, во второмъ — вести). „Это не подлежит вашему ведению“.

Политика. Изъ коммунистическихъ стенограммъ. Троцкій на XI съѣздѣ: „В Западной Европе если победит ее пролетариат“ (вм. ея). Зиновьевъ тамъ же: „международный рабочий класс осел“ (вмѣсто осѣлъ). На XIV съѣздѣ: „не все еще понимают и не все еще верят“ (вм. всѣ). Тамъ же, рѣчь Гусева: „будем ставить точки над «и»“ (вм. і). Рѣчь Курскаго на XV съѣздѣ: „работа по статистике должна быть поставлена у нас на «н»“. Голоса съ мѣсть: „читали все“ (вм. всѣ). „Наша цѣль — завоевать мир“ (вм. міръ). Конституція РСФСР статья 3: „к ведению органов“ (вм. вѣдѣнію). Изъ га-

зеты „Новое Русское Слово“ от 12.1.1942: *„Мы — все. Наш верховный главнокомандующий, президент Рузвельт, может быть уверен, что за ним идем мы все!“*.

Погибшія русскія пословицы. *„У богатого мужика — все в долгу (вм. всѣ), у богатого барина — все в долгу“*. *„Лес лесом, а бес бесом“*. *„Сперва дележ, а после телеш“*. *„Какая же честь, если нечего есть“*. *„На мир беда, а воеводе нажиток“*. *„И глух и нем, греха не вем“*. *„Перед судом все равны, все без откупа виноваты“*. *„Мир надело сошелся — виноватого опить“*. *„Вор попал, а мир пропал“*. *„Дошел тать в цель, ведут его на рель“*. *„Ищи на казне, что на орле, на правом крыле“*. *„Очи ушей вернее“*. *„Кто в море не тонул, да детей не рожал, тот от сердца богу не маливался“*.

Искаженные русскіе классики. Безсмысленны всѣ стихотворенія, поющія о мірѣ и мірозданіи; исчислить ихъ невозможно. Вотъ образцы. Пушкинъ: *„И мощная рука к нему с дарами мира — Не простирается из-за пределов мира“*. Лермонтовъ: *„Но я без страха жду довременный конец — Давно пора мне мир увидетъ новый“*. Тютчевъ: *„Есть некий час все-*

мирного молчанья“. „На мир таинственный духов“. „С миром дремлющим смешай“. „Счастлив, кто посетил сей мир“ и др. Боратынскій: „Твой мир, увы, могилы мир печальный“... „На что вы, дни! Юдольный мир явленья — Свои не изменит! — Все ведомы, и только повторенья — Грядущее сулит“.

А вот и иныя искаженія. Говоря о „младыхъ дѣвахъ“, Пушкинъ рифмуеть „странѣ“ и „онѣ“; по кривописанію эта рифма гибнетъ („они“ вм. онѣ). „Ее ланиты оживлялись“ (вм. ея), „Ее ничтожность разумею“ (вм. ея). Тютчевъ рифмуеть „ея“ и „я“ („Исторглось из груди ее — И новый мир увидел я“). О мечтахъ: „Пускай в душевной глубине — И всходят и зайдут они“. У Мея гибнетъ цѣлое стихотвореніе, вдохновенное Викторомъ Гюго и вдохновившее Рахманинова на прелестный романсъ: „Опросили они“ (мужчины) ...„онѣ отвѣчали“ (женская мудрость, утоляющая мужское недоумѣніе). По кривописанію — „они“ спрашиваютъ и „они“ же отвѣчаютъ.

У Пушкина: „Все говорят нет правды на земле“... „Делибаш уже на пике“ (пике — есть особая хлопчатобумажная ткань; вм. пикѣ). Изъ письма Гоголя къ И. И. Дмитріеву: „в

дороге занимало меня только небо, которое, по мере приближения к югу, становилось синее и синее“ (вм. синѣе). Гоголь пишетъ Языкову: „отныне взор твой должен быть светло и бодро вознесен горе“ (вм. горѣ); „немки... все, сколько ни есть, вяжут чулок“; „в пище есть побольше мясного“ (вм. ѣсть); „благословенный воздух ее ужедохнул“ (вм. ея); „причина... вне... нашего ведения“... Достоевскій: „думал... вернуться, но удержался от неведения“ (вм. невѣдѣнія). Мусоргскій: „горе вознестися“ (вм. горѣ). Лѣсковъ: „а козочку я подоил и ее молочком начал дитя питать“. Бальмонтъ „ты легкая волна, играющая в море“ (вм. „въ чемъ“? — „во что“ — такъ играютъ въ теннисъ, въ шахматы, в море). Айвазовскій назвалъ свою картину „На морѣ“ (гдѣ?); изъ этого сдѣлано „На море“ (куда?).

Ко всему этому надо добавить, что новое кривописаніе искажаетъ и подрываетъ ту драгоценную внутреннюю работу, которую каждый изъ насъ продѣлываетъ надъ осмысливаніемъ словесныхъ корней. Прочтя слово „вѣщій“, мы ассоціируемъ по смыслу къ „вѣщунья“, „вѣдѣти“, „вѣдѣніе“;

но прочтя слово „вещий“ мы будемъ ассоціировать въ безсмыслицу къ „вещь“, „вещественный“. Что значить „вещий Олег“? Ничего не значить! Прочтя слово „пение“, мы будемъ ассоціировать къ „пень“, „пеня“, „пенька“, „пеньтюхъ“... Ближайшая ассоціація къ „намерение“ будетъ „мерин“; къ „присмирив“ — „ревъ“; къ „бессовестный“ — „бѣсъ“ и „вести“; къ „беда“ — „бедуинъ“, „бидонъ“, „бедламъ“; къ „тело“ — „телокъ“, „телиться“; къ „поместье“ — „мести“, „месть“, но отнюдь не къ мѣсто; къ левша“ — „левъ“ и „вошь“... И такъ черезъ всю смысловую работу ассоціацій, которою живетъ и творится всякій языкъ.

Зачѣмъ всѣ эти искаженія? Для чего это умопомрачающее сниженіе? Кому нужна эта смута въ мысли и въ языковомъ творествѣ?

Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: все это нужно врагамъ национальной Россіи. Имъ; именно имъ, и только имъ.

КАКЪ ЖЕ ЭТО СЛУЧИЛОСЬ?

Заключительное слово о русском національномъ правописаніи.

Если мы попытаемся подвести итоги всему тому, что необходимо сказать противъ „новой орѳографіи“, то мы произнесемъ ей окончательный приговоръ: она должна быть просто отмѣнена въ будущемъ и замѣнена тѣмъ правописаніемъ, которое вынашивалось русскимъ народомъ съ эпохи Кирилла и Меѳодія. И это будетъ не „реакціей“, а возстановленіемъ здоровья, смысла и художественности языка.

Напрасно намъ стали бы указывать на то, будто бы мы защищаемъ прежнее правописаніе изъ политической вражды къ большевизму. Эту инсинуацію произнесъ когда-то г. Айхенвальдъ въ берлинской газетѣ «Рухль». Вѣрно какъ разъ

обратное. Если бы новую орфографию ввела русская национальная монархическая власть (чего она, конечно, никогда бы не сделала!), то мы стали бы защищать прежнее правописание с той же энергией; а вот защитники новой орфографии, действительно, политиканствуют с нею, придавая ей значение „приятія революціи“ „закапыванія рва“ или „спуска на полозьяхъ“. Съ другой стороны, если бы коммунисты вернули прежнее правописание (чего они, конечно, никогда не сделают!), то мы отнюдь не стали бы врагами спасеннаго правописанія, ни сторонниками коммунизма. Приписывать намъ политизацію всѣхъ критеріевъ духовной культуры — есть сразу инсинуація и пошлость. Вопросъ же правописанія рѣшается не пристрастіемъ и не гнѣвомъ, а художественнымъ чувствомъ родного языка и отвѣтственной аналитической мыслью.

Мы отлично знаемъ, что революціонное кривописание было введено не большевиками, а временнымъ правительствомъ. Большевики сами привыкли къ прежнему правописанію: всѣ эти Курскіе, Чубари, Осинскіе, Бухарины продол-

жали въ своихъ рѣчахъ „ставить точки“ на отмѣненное „і“ и требовать, чтобы коммунисты все знали на отмѣненное „ѣ“. Даже Ленинъ писалъ и говорилъ въ томъ смыслѣ, что старое правописание имѣло основаніе различать „міръ“ и „миръ“ (Изд. 1923 г. т. XVIII, ч. 1, стр. 367). Нѣтъ, это дѣло рукъ проф. А. А. Мануйлова („министра просвѣщенія“) и О. П. Герасимова („тов. мин. просв.“). Помню, какъ я въ 1921 году въ упоръ поставилъ Мануйлову вопросъ, зачѣмъ онъ ввелъ это уродство; помню, какъ онъ, не думая защищать содѣянное, беспомощно сослался на настойчивое требованіе Герасимова. Помню, какъ я въ 1919 году поставилъ тотъ же вопросъ Герасимову и какъ онъ, сославшись на Академію Наукъ, разразился такою грубою вспышкой гнѣва, что я повернулся и ушелъ изъ комнаты, не желая спускать моему гостю такія выходки. Лишь позднѣе узналъ я, членомъ какой междуна-родной организаціи былъ Герасимовъ.

Что же касается Академіи Наукъ, то новая орѳографія была выдуманна тѣми ея членами, которые, не чувствуя художественности и смысловой органичности языка, пре-

---

давались формальной филологии. Эта формализация есть язва всей современной культуры: утративъ вѣру, а съ нею и духовную почву, оторвавшись отъ содержательныхъ корней бытія, современные „дѣятели“ выдвинули формальную живопись, формальную музыку, формальный театр (Мейерхольдъ), формальную юриспруденцію, формальную демократію, формальную филологію. И вотъ, новая орѳографія есть продуктъ формальной филологии и формальной демократіи, т. е. демагогія. Въ Академіи Наукъ совсѣмъ не было общаго согласія по вопросу о новой орѳографіи, а была энергичная группа формалистовъ, толковавшихъ правописаніе, какъ нѣчто условное, относительное, беспочвенное, механическое, почти произвольное, не связанное ни со смысломъ, ни съ художественностью, ни даже съ исторіей языка и народа. Знаю случайно, какъ они собирали подписи подъ своей выдумкой, нажимали на академика А. А. Шахматова, который, чтобы отвязаться, далъ имъ свою подпись, а потомъ при большевикахъ продолжалъ печатать свое сочиненіе по старому правописанію. Свидѣтельствую

о томъ негодованіи, съ которымъ относились къ этому кривописанію такіе ученые знатоки русскаго языка, какъ академикъ Алексѣй Ивановичъ Соболевскій, лекціи котораго по „Исторіи русскаго языка“, по словамъ того же Шахматова, *„получили значеніе послѣдняго слова исторической науки о русскомъ языкѣ — у насъ, и заграницей“*. Свидѣтельствую о такомъ же негодованіи всѣхъ другихъ московскихъ филологовъ, изъ коихъ знаменитый академикъ Ф. Е. Коршъ, разразился эпиграммой: *„Старинъ я буду въренъ, — Съ дѣтства чтитъ ее привыкъ: — Обезиченъ, обезъеренъ. — Обезъятенъ нашъ языкъ“*. Такіе ученые, какъ академикъ П. Б. Струве не называли „новую“ орфографію иначе, какъ „гнусною“...

Для чего же это кривописаніе выдумывалось, ради чего вводилось? Публично выдвигали два соображенія: „новая орфографія“ проще и для народа легче... Эти аргументы воспроизводились въ эмиграціи и такими дилетантами-публицистами, какъ г. Ю. Айхенвальдъ. На самомъ же дѣлѣ эти аргументы совершенно неосновательны.

Вотъ данныя опыта. Одинъ русскій ученый славистъ,

членъ-корреспондентъ Россійской Академіи Наукъ, рассказывалъ мнѣ в 1922 году о результатахъ своего пятилѣтняго преподаванія въ гимназіи. Онъ предлагалъ ученикамъ: кто хочетъ, учись по старой орфографіи, кто хочетъ — по новой; требовать буду съ одинаковой строгостью! И что же? Процентъ слабыхъ въ среднемъ счетѣ оказался одинаковымъ. Оказалось, что трудно вообще правило и его примѣненіе, независимо отъ того, что именно предписываетъ правило. Напрасно стали бы ссылаться на особыя затрудненія, вызываемыя буквою ѣ. Эти затрудненія были уже преодолены на чисто мнемоническомъ пути. Уже по всей Россіи циркулировала дешевенькая книжка въ стихахъ и съ картинками, гдѣ всѣ слова, требующія букву ѣ были включены въ текстъ: *„Разъ бѣлка бѣса побѣдила — И съ тѣмъ изъ плѣна отпустила, — Чтобъ онъ ей отыскалъ орѣхъ. — Но дѣло было то въ апрѣль — Въ лѣсу орѣхи не созрѣли“* и т. д. Или еще: *„Съ Днѣпра, съ Днѣпра ли нѣкто Глѣбъ, — Жилъ въ богадѣльнѣ дѣдъ-калъка, — Не человекъ, полъ-человекъ... — Онъ былъ и глухъ, и нѣмъ, и слѣпъ — пѣлъ только рѣпу, хрѣнъ и рѣдьку“* ...

и т. д. Запомнить эти стишки ничего не стоило; и учителю оставалось только пояснить корнесловие и смысловое...

Одинъ русскій ученый говорилъ мнѣ: „Что они все твердятъ объ облегченіи? Пишемъ мы, образованные, и намъ прежнее правописание совсѣмъ не трудно; а необразованной массѣ важно читать и понимать написанное; и тутъ старое правописание, вѣрно различающее смыслъ, для чтенія и пониманія гораздо легче! А новое кривописание сѣтъ только безсмыслицу“...

Что же касается „упрощенія“, то идея эта сразу противонаціональная и противокультурная. Упрощеніе есть угашеніе сложности, многообразія, дифференцированности. Почему же это есть благо? Правда, угашеніе искусственной, безсмысленной, безпредметной сложности даетъ экономію силъ: а растрачивать душевно-духовныя силы на мертвыя ненужности нелѣпо. Но „сложность“ прежняго правописанія глубоко обоснована, она выросла естественно, она полна предметнаго смысла. Упрощать ее можно только отъ духовной слѣпоты; это значитъ демагогически попирать и

разрушать русскій языкъ, это вѣковое культурное достояніе Россіи. Это наглядный примѣръ того, когда „проще“ и „легче“ означаетъ хуже, грубѣе, примитивнѣе, неразвитѣе, бессмысленнѣе: или попросту — слѣпое варварство. Пустыня проще лѣса и города; не опустошить ли намъ нашу страну? Мычать коровой гораздо легче, чѣмъ писать стихи Пушкина или произносить рѣчи Цицерона; не огласить ли намъ російскія стогна коровьимъ мычаніемъ? Для многихъ порокъ легче добродѣтели и сквернословіе легче краснорѣчія. Безвольному человѣку безпринципная уступчивость легче идейной выдержки. Вообще проще не быть, чѣмъ быть; не заняться ли намъ, русскимъ, повальнымъ самоубійствомъ?

Итакъ, кривописаніе не легче и не проще, а бессмысленнѣе. Оно отмѣняетъ правила осмысленной записи и вводитъ другія правила — бессмысленной записи. Оно начало собою революціонную анархію. Во всякомъ культурномъ дѣланіи дорогá идея правила, ибо воспитаніе есть отученіе отъ произвола и пріученіе къ предметности, къ смыслу, къ совѣсти, къ дисциплинѣ, къ закону. Правило не есть нѣчто

неизмѣнное; но измѣнимо оно только при достаточномъ основаніи. Произвольное же ломаніе правила — вредно и противорѣчитъ всякому воспитанію; оно сѣетъ анархію и развращаетъ; оно подрываетъ самый процессъ регулированія, совершенствованія, самую волю къ строю, порядку и смыслу. Здѣсь произволь ломаетъ самое чувство правила, уваженіе къ нему, довѣріе къ нему и желаніе слѣдовать ему. Введеніе же бессмысленныхъ правилъ есть прямой призывъ къ произволу и анархіи.

Вотъ именно это и учинило новое кривописаніе. Здоровая часть русской интеллигенціи не приняла его и отвергла. Сдѣлалось два „правописанія“. Старое стали забывать, новому не научились. Возникло третье правописаніе — отбросившее твердый знакъ, но сохранившее ять. Надо ждать четвертаго, которое отброситъ ять и сохранитъ твердый знакъ. Скажемъ же открыто и точно: никогда еще русскіе люди не писали такъ безграмотно, какъ теперь; ибо въ XVII и въ XVIII вѣкѣ — искали вѣрнаго начертанія, но еще не нашли его, а теперь отвергли найденное и разнуздали себя орфо-

графически. Тогда еще учились различать „ять“ съ „естемъ“, и не были увѣрены; а теперь, ссылаясь на свою малую образованность и на лѣнь, узаконили смысловое всесмѣшеніе. „Намъ“, видите ли, „некогда и трудно“ изучать свою русскую, „слишкомъ сложную“ орѳографію!... Хорошо, господа легкомысленные лѣнтяи! За это вы будете надрывать надѣ изученіемъ и усвоеніемъ гораздо болѣе сложныхъ иностранныхъ орѳографій, — французской, англійской и нѣмецкой; — чужіе языки возьмутъ у васъ все то время, котораго у васъ „не хватало“ на изученіе своего, русско-національнаго, осмысленнаго правописанія; ибо тутъ иностранные народы не будутъ принимать во вниманіе вашу лѣнь, ваше „некогда“ и „трудно“. И напрасно кое-кто въ эмиграціи выдвигаетъ то обстоятельство, что при господствѣ прежней орѳографіи были слова со спорнымъ „е“ и съ неуѣреннымъ „ѣ“; не проще ли въ виду этого поставить всюду безспорное „е“? Но вѣдь есть не мало людей съ неуѣренной мыслью, честностью и нравственностью... Такъ не проще ли не искать ни смысла, ни вѣрности, ни честности, а водворять прямо без-

смыслицу, безчестіе и развратъ: по крайней мѣрѣ, все будетъ опредѣленно, ясно, просто и легко... Да, исторически была шаткость; но ее успѣшно и осмысленно преодолѣвали, до тѣхъ поръ, пока не рѣшили покончить съ культурой языка и провалиться въ варварство.

Правъ былъ князь С. Н. Трубецкой, когда писалъ („Ученіе о Логосѣ“, стр. 5): *„слово есть не только способъ выраженія мысли, но и способъ мышленія, само-объектированіе мысли“*. Правъ былъ и князь С. М. Волконскій, когда настаивалъ на томъ, что смѣшеніе родовъ, падежей, степеней сравненія и т. д. вызываетъ къ жизни „возвратное зло“: дурное правописаніе родитъ дурное мышленіе. Замѣчательнѣйшій знатокъ русскаго языка В. И. Даль писалъ въ своемъ „Толковомъ Словарѣ“: *„Надо... сохранять такое правописаніе, которое бы всегда напоминало о родѣ и племени слова, иначе это будетъ звукъ безъ смысла“* (томъ 1, стр. 9). И именно въ этомъ единственно вѣрномъ языковомъ руслѣ движется новѣйшій изслѣдователь русскаго правописанія И. И. Костючикъ въ своемъ сочиненіи „Нашествіе варваровъ на русскій языкъ“. *„Не*

реформа была проведена, а искаженіе, коверканіе русскаго языка, и при этом — умышленное, отрывъ русскаго языка отъ его церковно-славянскихъ корней, денаціоналізація русскаго письма, русской этимологіи, фонетики, русскаго мышленія“...

И. С. Шмелевъ передаетъ, что одинъ изъ членовъ російской орфографической комиссіи сказалъ: „старо это новое правописаніе, оно искони гнѣздилося на заднихъ партахъ, у лѣнтяевъ и неспособныхъ“... И именно ученые академики поспѣшили этимъ безграмотнымъ лѣнтяямъ на помощь: прервали всенародную творческую борьбу за русскій языкъ, отреклись отъ ея вѣковыхъ успѣховъ и завоеваній и революціонно снизили уровень русской литературы. Этимъ они попрали и смысловую, и художественную, и органическую природу языка. Ибо строгое соотвѣтствіе звука и записи выговариваемому смыслу есть дѣло художественнаго всенароднаго исканія ирраціональнаго (какъ всякое искусство!) и органическаго (какъ сама народная жизнь!).

И вотъ, въ отвѣтъ этимъ разсудочнымъ формалистамъ и беспочвенникамъ, мы должны сказать: писанный текстъ

не есть дѣло произвола; онъ есть живая риза смысла, точный знакъ разумѣемаго, художественное выраженіе духа. Правописаніе есть продуктъ многолѣтней борьбы народа за свой языкъ; оно есть сосредоточенный итога его семеистики, фонетики, грамматики, символики и аллегорички — въ отношеніи къ предметамъ и въ духовномъ общеніи людей. Мудро сказалъ Апостоль Павелъ, что люди общающіеся другъ съ другомъ внѣ взаимнаго разумѣнія, суть другъ другу варвары (1 Кор. 14:11). Не для того русскій народъ бился надъ своимъ языкомъ, чтобы горсточка революціонныхъ „академиковъ“ сорвала всю эту работу взаимнаго духовнаго разумѣнія.

Правописаніе имѣетъ свои историческія, конкретныя и въ то же время философическія и національныя основы. Поэтому оно не подлежитъ произвольному слову, но лишь осторожному, обоснованному преобразованію; совершенствованію, а не разрушенію. Пусть же нарушители русской національной орфографіи получаютъ навѣки прозвище „друзей безграмотности“ или „сподвижниковъ хаоса“; и пусть

первымъ актомъ русскаго національнаго Министра Просвѣщенія будетъ возстановленіе русскаго національнаго правописанія.

1956.